

Проблемы современного высшего образования в России в рамках реализации Болонской системы

Научный руководитель – Верпатова Оксана Юрьевна

Картавых Алёна Денисовна

Студент (бакалавр)

Тверской государственный технический университет, Управления и социальной коммуникации, Социологии и социальных технологий, Тверь, Россия

E-mail: alenakart2003@gmail.com

После подписания Россией декларации об переходе на Болонскую систему образования в Берлине в 2003 году. Государство берёт на себя ряд принципиальных обязательств по реформированию российского образования [2].

Болонская система, как образовательная платформа имеет некоторые преимущества и плюсы, но являются ли они таковыми для нашей страны. Первым преимуществом двухуровневой системы образования является возможность окончить бакалавр по одной специальности, а поступить в магистратуру на другую. Тем самым, всего за 2 года студент может сменить профиль образования и освоить две профессии. Казалось бы, это отличная возможность получить за столь короткие сроки две специальности, но важно не количество, а качество. За опыт прошлых лет показал, что ни два, ни четыре года обучения, не могут дать полный комплекс знаний в определённой профессии, а в некоторых профессиях и пяти лет мало. На рынок труда стали выходить специалисты с поверхностными знаниями о профессии, что является минусом для экономики страны и тормозит её развитие.

Как отмечается в принципах Болонской системы, мобильность обучающихся, является преимуществом для такой системы образования. Студент, начавший обучение в нашей стране, может перевестись в вуз другой страны без потери курса. Болонская система открыла возможность интеграции в международное общеобразовательное пространство, но по факту, студенты желающие обучаться за пределами нашей страны, после окончания вузов оставались там жить и вести свою научную деятельность за границей. Что привело к «утечке умов» из страны.

Переход на Болонскую систему затронул все уровни образования в стране. Одним из самых главных нововведений с систему среднего общего образования стала новая оценка знаний - с помощью тестов и ЕГЭ (Единый Государственный экзамен). Казалось бы, это должно было стать плюсом, единый стандарт оценки знаний, балльная система при поступлении в вузы и т.п. Однако с введением ЕГЭ весь учебный процесс становится направлен на подготовку к его сдаче, дети выбирают определённые предметы, которые им нужны при поступлении и усиленно готовятся по ним. Из-за этого происходит сокращение аудиторных часов других предметов, они становятся им просто не нужны, кругозор знаний урезается уже на первичном уровне образования. Учителя также перестают быть заинтересованы в знаниях учеников, их задача сводится только к тому, чтобы ученик сдал тесты. Оценка знаний учеников с помощью тестов не показывает глубину их познаний, по большей части школьники ставят ответы наугад или копируют друг друга, или пользуются системами подсказок. Как пример: самый высокий балл сдачи ЕГЭ по русскому языку в России, за последние года, принадлежит школьникам из Северокавказских регионов, а по факту их знания русского языка минимальны. При старой системе обучения в

ходе экзамена «в живом» общении, преподаватели экспертно могли оценить уровень знаний, широту мировоззрения, способность к мышлению каждого ученика, что вело к более адекватной и реальной оценки его знаний.

Еще одной серьезной проблемой стало воплощение принципов доступности образования. На сегодняшний день в вузах страны существуют такие формы обучения как платная и бюджетная. Средняя заработная плата в современной России, во многих регионах еле дотягивает до уровня потребительской корзины. Люди просто не способны оплатить образование себе и своим детям. При поступлении в вуз студент проходит конкурс на места, с каждым годом бюджетных мест становится всё меньше, а цены на платное обучение растут. Возможность многих граждан получить высшее образование стремится к нулю. Студент вынужден либо брать кредит (и выплачивать его достаточно продолжительное время), либо зависеть какое-то время от крупной компании, с которой заключён договор об оплате с последующей отработкой в компании, однако это доступно не везде [1].

Осенью 2022 года было проведено прикладное социологическое исследование. В структуре выборочной совокупности представлены учащиеся 9-11 классов. С помощью метода анкетирования было опрошено 100 респондентов. Целью исследования было узнать профессиональные планы старшеклассников, а также их отношение к получению высшего образования. Респонденты, говоря об актуальных проблемах современного высшего образования, в половине случаев указали на то, что высшее образование перестало быть доступным, а цены на платное образование слишком высоки. У многих детей просто нет финансовой возможности обучаться на платной основе. Им приходится поступать в образовательные заведения ниже уровня высшего образования, что приводит к потере талантливых специалистов. В частности, о проблеме низкой доступности высшего образования говорили 31% опрошенных старшеклассников, в еще 22 % отметили высокие цены на его получение. Были обозначены старшеклассниками и некоторые другие проблемы: отставание программ высшей школы от реального развития техники и технологий (14%), коррупция в вузах (10%) и общее снижение качества высшего образования (10%).

Таким образом, можно сказать, что на сегодняшний момент ключевые проблемы можно обозначить как:

- абитуриенты не обладают минимально необходимыми знаниями, и нивелирование этой проблемы ложится на плечи преподавателей вузов;
- сокращение предметов при сдаче ЕГЭ не только урезает возможности подачи документов в вузы, но и ведёт подготовку только к выбранным предметам, остальные же уходят на задний план, тем самым снижается качество образования в целом;
- из-за высокой стоимости платного обучения вузы могут потерять талантливых студентов, заинтересованных в учебе.

Источники и литература

- 1) Джойс, Э.А. Симаков, А.А. Актуальные проблемы высшего образования России // Образование. Наука. Научные кадры, 2020. №1. – С.145-148
- 2) Степанова, Е.И. Болонский процесс в России: аргументы «за» и «против» // Журнал социологии и социальной антропологии, 2007. – С.127-141